

Г. В. МАРКЕЛОВ

«Налепные образцы» в традиционном книгописании

Известно, что некоторые древнерусские лицевые рукописи содержат одинаковые или весьма близкие между собой миниатюры. Иногда в разных рукописях мы встречаем одни и те же декоративные украшения. Причем даты написания таких рукописей порой отстоят друг от друга на многие десятилетия. Понятно, что в таких случаях переписчики книг пользовались определенными, входившими в арсенал профессиональных средств приемами копирования и воспроизведения изобразительного материала. До сих пор эти приемы специально не исследовались, хотя упоминания об изготовлении в древности копий лицевых изображений встречаются в отечественной научной литературе.¹ «Копирование образцов, — пишет известный искусствовед медиевист Э. С. Смирнова, — в особенности святынь и реликвий, как проявление осознанного почтения к древности, приобрело огромный размах в XVI в. и затронуло многие центры русской художественной культуры».² Важность изучения данного аспекта в искусстве средневекового книгописания представляется очевидной. С этой точки зрения автором настоящей статьи были предприняты исследования лицевых и орнаментированных рукописей из фондов Древлехранилища имени В. И. Малышева и других архивов

Внимательно взглядываясь в миниатюры лицевых рукописей, можно заметить, что у некоторых изображений проступает некий первоначальный контур. Причем эта графическая основа не является авторским наброском карандашом или углем, а представляет собой отпечаток, иногда очень бледный и плохо различимый. Карандаш или уголь оставляют на бумаге своеобразный след, не схожий с отпечатком. Чаще всего первоначальный абрис дополнительно обводился чернилами, как правило — весьма скрупулезно. В цветных иллюстрациях этот первоначальный контур почти всегда перекрывался красками. Визуально первоначальный контур обнаруживается на тех деталях изображения, которые по каким-то причинам остались неокрашенными или не обведенными чернилами, либо просвечивают сквозь прозрачный красочный слой. Указанное свойство наблюдается на изображениях в рукописях XVII—XIX вв.

¹ Укажем из числа новейших изданий, например, книгу Смирнова Э. С. Лицевые рукописи Великого Новгорода XV век М., 1994. Автор пишет о копировании книжных миниатюр Евангелия 1468 г., выполнявшемся новгородскими мастерами в XV в. (с. 107), о копировании орнаментальных украшений с новгородских рукописей (с. 116) на с. 164 говоря о раздельности работы книжных художников. Э. С. Смирнова показывает на конкретных примерах, что миниатюристы «брали образцы из одних источников а орнаментаторы — из других». При этом некоторые миниатюры, как замечает исследовательница, «скопированы чуть ли не по кальке».

² Смирнова Э. С. Лицевые рукописи Великого Новгорода С. 174

Следы первоначальных отпечатков характерны не только для лицевых изображений, но и для заставок, инициалов, концовок, декоративных рамок и т. д. Чаще всего такие отпечатки встречаются в рукописях, происходящих из крупных центров книгописания, в которых это искусство носило профессиональный регулярный характер. К таким можно отнести, например, Выголексинское общежительство, сравнимое по своей продукции с деятельностью целой типографии. В фондах нашего Древлехранилища указанные особенности встречаются также среди рукописей северодвинской традиции.

Иногда на отдельных листах рукописных книг находятся изображения, которые производят впечатление как бы незавершенных миниатюр. Речь идет не о рисунках пером или карандашом, которые тоже часто встречаются в рукописях, а об изображениях, представляющих собой некие отпечатки. В ряде случаев такие изображения трудно распознать, настолько слабым и нечетким получился отпечаток. Вероятно, именно вследствие этого художники не прорабатывали их контуры перед тем, как окончить миниатюру в красках. Иногда причина незавершенности в рисунке могла заключаться в том, что отпечатавшийся контур передавал неверный рисунок, нарушающий устоявшийся канон. Об этих неправильностях мы скажем далее. В некоторых рукописях нам встречались отпечатки одних и тех же композиций на разных листах одной рукописи. Иногда это фрагменты декора, повторенные в произвольном порядке на одном листе. Примечательно, что обнаружить идентичные оттиски лицевых изображений или орнаментов можно в разных рукописях, найденных в разных местах, хранящихся в разных фондах и воспроизведенных на бумаге разного времени.

Естественно возникает вопрос о характере и происхождении таких оттисков. То, что перед нами не гравюра (например, ксилография), видно по отсутствию вдавленностей на бумаге, свойственных рельефной печати. В наших случаях отпечаток нанесен с гладкой ровной поверхности, которой мог бы служить, например, лист бумаги. Нам хорошо известны бумажные листы с графическими образцами, которые в виде прорисей и переводов издревле широко применялись в иконописном деле.³

Напомним вкратце, как делались прориси в традиционном иконописании. Для копирования выбиралась образцовая икона. На ней специальной липкой краской обводились тонкой кистью все линии контура. Затем на икону накладывали увлажненный лист бумаги, к которому прилипал только что обведенный контур. Запечатленное таким образом изображение и называется прорисью. После изготовления прорисей остатки краски с иконы удалялись влажной губкой. Сама прорись содержала зеркальный или обратный вид композиции, но когда ее прижимали к чистому левкасу новой иконы, то на его поверхности отпечатывалось нужное прямое изображение. Отпечаток с прориси на бумаге называется иконным переводом.⁴

Первоначальные контуры рассмотренных нами миниатюр являются, по нашему мнению, не чем иным, как оттисками прорисей, то есть их переводами. В сущности, только использованием прорисей с единого образца можно объяснить идентичные изображения в разных рукописях. Разумеется, речь идет о незакрашенных контурах.

³ Этот вопрос подробно рассмотрен нами в книге Маркелов Г В Святые Древней Руси Материалы по иконографии (прориси, переводы, иконописные подлинники) СПб «Дмитрий Буланин», 1998 Т 1 Глава «Графические образцы в традиционном иконописании» С 13—16

⁴ Мы пользуемся терминологией ленинградского реставратора Ф А Каликина См Маркелов Г В Святые Древней Руси Т 1 С 21

Каким же способом копировались в Древней Руси *книжные* образцы, ведь книжные украшения, в отличие от икон, не покрыты защитной пленкой из высохшей олифы, с которой можно было смыть влажной губкой остатки контурной краски? Можно ли было снять копию с книжной миниатюры, не повредив ее? Оказывается, можно было.

В иконописных подлинниках и в ремесленных руководствах XVII—XVIII вв. мы находим описания нескольких способов копирования изобразительного материала. Приемы эти воспроизведены также в греческих руководствах по живописи — ерминиях. Но в наших подлинниках описан способ, не отмеченный в ерминиях и (что особенно важно) шадящий копируемый оригинал. Суть его в следующем: древнерусские мастера изобрели для снятия образцов специальные рамки («оконницы» или «окончины») с натянутым внутри паюсом, то есть прозрачным рыбьим пузырем. В раму под паюсом помещался копируемый образец (в нашем случае, например, образцовая книжная миниатюра), а на прозрачной поверхности пузыря художник обводил липкой краской контуры находящегося под ним рисунка.⁵ Мастеру оставалось только *снять прорись* с контура на паюсе на бумажный лист описанным выше способом.

В Буслаевском иконописном подлиннике⁶ XVIII в. прямо говорится о копировании таким способом книжных образцов и орнаментов.

«Указ, как снимать обрасцы Аше хоцещи снимать обрасцы иконныя или какие зделать оконницы паюсную великую чистую а на другую сторону приделать доска чтоб входило в оконницу Закрепляти спицами во все четыре стороны чтобы прилегла плотно к лесу Заделать зелье составное чтобы сымалось с паюса на бумагу Взять чесноку почистить истолчи в сосуде без соли мелко И тот чеснок прожать сквозь плат чистой И взять сажу копченя нарочитыя берестеныя или пороху пушечного да жетко яишной и белок состояй что у иконников, и растворить, и сушить тот состав на солнце А как понадобится и ты раствори и пиши что хоцещи

И как сымати какие травы фряския или азбучные слова⁷ (разрядка наша — Г М) или иконныя обрасцы и ты положи в ту паюсную окончину под доску и пиши тем составом чернилом по паюсной оконнице И как напишешь, возми бумагу и положи на паюс и пригнетай, и три ногтем и подувай на письмо на паюс, и три ногтем гораздо И которое место не выпечатается, и ты зелье подувай гораздо И как выпечатается и ты ту оконницу смой писмо и высуши, чтоб впредь было чисто А писать на паюсе кистью или пером, как сам сметишь умом»

«Указец» о снятии копий с «трав», то есть с орнаментов, читается в Иконописном подлиннике единовверческой редакции первой половины XIX в. из собрания ГИМ, собр. Забелина, № 344, л. 307: «Образцы и травы сымати. Разводити краска на ногти да приложить бумага, да под(д)увая потирати, куды писано — то прилнет на бумагу»⁸

В старинных руководствах приводятся также способы копирования изображений, выполненных на прозрачном материале, на просвет через стекло. Этот рецепт сравнительно поздний и не требующий особых пояснений.⁹

⁵ Там же С 19

⁶ РГБ, ф 396, № 23, л 115 См Свод письменных источников по технике древнерусской живописи, книжного дела и художественного ремесла в списках XV—XIX вв / Сост Ю И Гренберг СПб, 1995 Т 1, кн 2 С 69

⁷ Здесь «травы фряския» (то есть «фряжские») следует понимать как разновидность растительного орнамента, термин «азбучные слова» пока не очень понятен

⁸ Свод письменных источников Т 2 С 410

⁹ Так, в Кулшинском иконописном подлиннике последней четверти XVII в имеется среди прочих указ о письме на стекле « и высуша тот подпуск на стекле и прилепить перевод на другую страну стекла, которая под спуском (подпуском? — Г М) не подхожена Да против перевода на стекле знаменит, а знаменит, чтобы всякая строка против строки бы была А как ознаменишь, и после знамени подписывай » ГИМ, собр Уварова, № 847 л 60 См Свод письменных источников Т 1, кн 1 С 258

Мы полагаем, что книжные украшения копировались примерно так же, как в иконописании: заготавливали прориси нужных миниатюр или заставок, накладывали их в нужном месте на чистую бумагу, прижимали, притирали ногтем. На листе отпечатывался первоначальный контур изображения, который оставалось только обвести пером и расцветить красками.

С одной прориси можно было снять несколько отпечатков, изготовленных на липком связующем (им чаще всего служили чесночный сок, мед или патока). В Толстовском сборнике различных рецептов 2-й четверти XVII в.¹⁰ после описания изготовления чесночного зелья указывается: «...таж кистью проходи. И потом наложа бумагу и дми (то есть дыши. — Г. М.) гораздо на прохоженое. И отдом (то есть увлажнив дыханием лист. — Г. М.), рукою левою доржи бумагу, другие ж ногтем гладь. И аще в деле зелье удастся, и сымет до семижды единова про(рисей)».

Среди иконных образцов часто встречаются «припорохи» или «сколки» — проколотые тонкой иглой по контуру рисунки икон. Нам не встречались «сколки» книжных миниатюр, за исключением одной рукописи (БАН, № 25.2.14), в которой изображение Саваофа (л. 3 об.) было проколото по контуру уже после того как миниатюра была выполнена. Любопытно, что многие миниатюры в этой же рукописи имеют обводку по контурам, выполненную острым предметом (ножом или иглой). Надо полагать, что «графья» в данном случае наводилась под своего рода «копирку».

Существование специальных прорисей для книжных миниатюр подтверждается нашими находками, сделанными в разных архивах. Обратимся к примерам из фондов Древлехранилища Пушкинского Дома. Здесь наиболее впечатляюще выглядят прориси из Красноборского собрания. Приведем их подробное описание:¹¹

ИРЛИ, Красноборское собр., № 93. Подборка образцов для книжных миниатюр. 8 листов разных форматов. XIX в. (10-е гг.). Прориси (оттиски) со сплошной или частичной обводкой чернилами пером по контуру. Изображения обратные. Содержат:

Л. 1. Композиция с изображением новозаветной Троицы и ангелов. 43.8 × 36 см. Филиграни: «ВМ / МиВ / 1814».

Л. 2. Три рисунка с изображением загробных мук разных грешников. 21.5 × 35.5 см. Филиграни: «МИВ [18]14».

Л. 3. «Лествица» с изображением на ней четырех фигурок. 44.3 × 18.5 см. Филиграни: «1814», лист обрезан.

Л. 4. Вертикальная композиция с изображением грешников в пламени ада. 43.5 × 18.5 см. Филиграни: «1814», лист обрезан.

Л. 5. Вертикальная композиция с изображением стоящих друг над другом бесов с орудиями мучений и свитками. 43.5 × 16 см. Филиграни не просматриваются.

Л. 6. Рисунок, изображающий монаха на суде у сатаны. Прорись с частичной раскраской цветными карандашами. 21.2 × 17.6 см. Филиграни не просматриваются.

¹⁰ РНБ, Q.XVII.67, л. 5. См.: Свод письменных источников... Т. 1, кн. 1. С. 94.

¹¹ Листы из Красноборского собр., № 93 впервые кратко описаны в статье: Белоброва О. А. Настенные листы (краткий обзор) // Рукописное наследие Древней Руси. По материалам Пушкинского Дома. Л., 1972. С. 323.

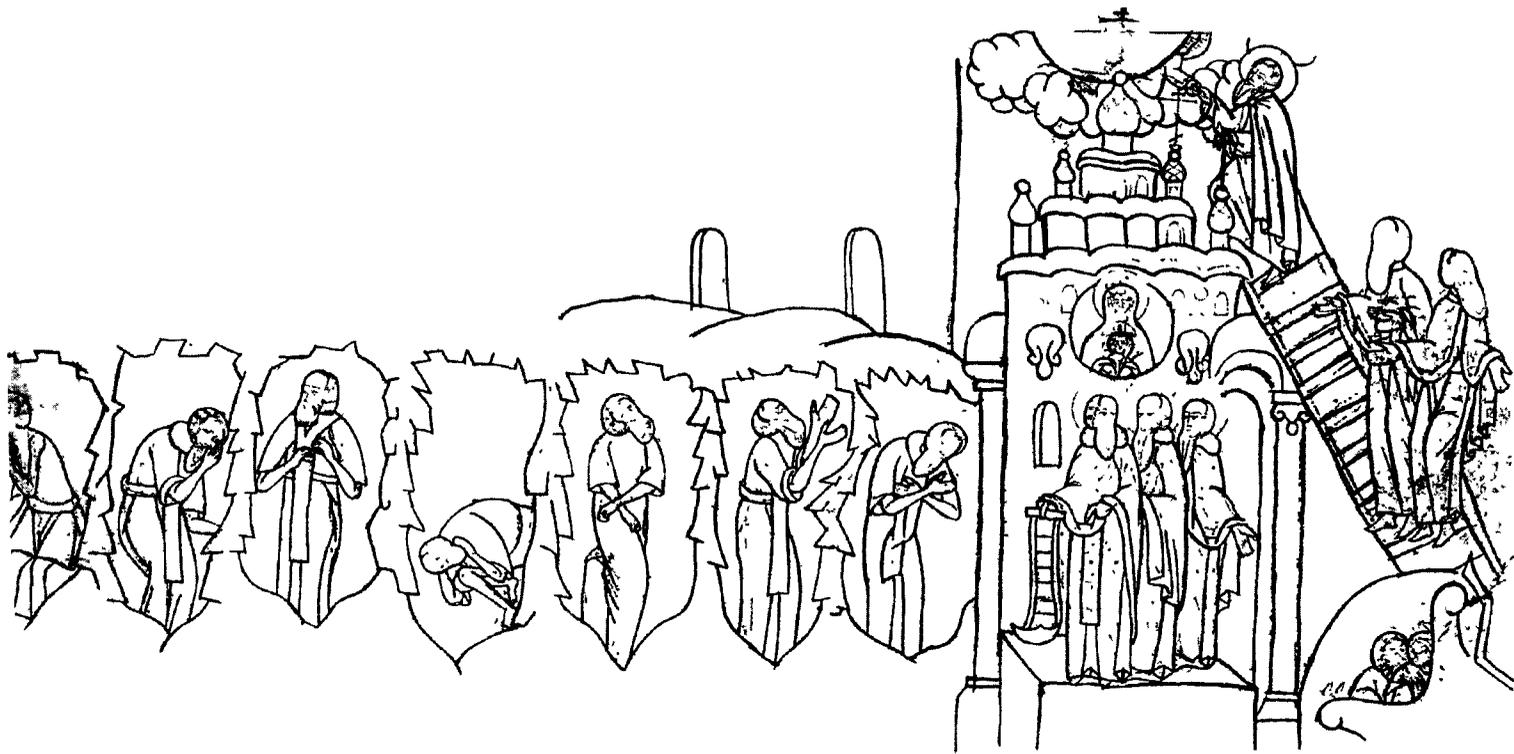


Рис 1 «Богоугодная темница» Прорись для миниатюры, 1810-е гг Красноборское собр., № 93, л 7

Л. 7. «Богоугодная темница». Правая половина композиции. 44 × 18.5. Филиграни: «1814», лист обрезан.

Л. 8. Три сюжета с изображениями небесного царства (к «Видению» Палладия мниха ?). 21.5 × 36 см. Филиграни: «ВМ / 18[14]».

Рассмотрим на конкретных примерах, как были использованы эти прориси. Для 5 случаев из 8 нам удалось обнаружить совпадения прорисей с миниатюрами в рукописях. Так, композиция прориси на л. 1 близка к миниатюре «Вечеря царская» к «Видению» Палладия мниха из лицевого сборника Северодвинского собр., № 789, л. 136-а. Один из трех сюжетов, изображенных на л. 2, совпадает с миниатюрой, на которой представлены муки татей из лицевого сборника Северодвинского собр., № 152, л. 125.¹² «Лествица» на л. 3 стилистически близка к миниатюре из той же рукописи на л. 35-а.

Прорись на л. 5 изображает бесов, стоящих один над другим с орудиями мучений. Сюжет воспроизведен, но уже в раскрашенном виде и в прямом изображении, на л. 25 из подборки рисунков-образцов.¹³ Однако этот рисунок выполнен намного позднее, чем прорись, а именно — в конце XIX—начале XX в. Вся подборка рисунков принадлежала одному из последних иконописцев и книжных умельцев на Двине (д. Изосимово) Николаю Прокопьевичу Шестакову.¹⁴ Среди бумаг архива Н. П. Шестакова на листах с выписками из разных учительных книг встречаются оттиски с разных иконных прорисей, в том числе оттиск с налепного образца книжной заставки (л. 72 об.). Не исключено, что Н. П. Шестаков сам был автором прорисей. Данные примеры свидетельствуют о том, что северодвинские книгописцы в начале XX в. все еще пользовались прорисями для книжных миниатюр более чем столетней давности.

Один из самых ярких образцов использования красноборских прорисей для миниатюр обнаруживается в красочной миниатюре-разворотке «Лествица духовная и богоугодная темница» работы 1810-х гг. северодвинского писца и рисовальщика И. Ф. Колодкина¹⁵ (Северодвинское собр., № 259). На листе форматом в 8-ку, сложенном в виде гармошки, изображены в красках различные виды подвижничества. Образцом для миниатюры послужила прорись с л. 7. Характерно, что и в данном случае мы находим на изображении оттиски мелких деталей, которые художник не счел нужным прорисовать и раскрасить.

Для изображений грешников на л. 4 не нашлось идентичного воспроизведения, но есть стилистически близкие рисунки в разных северодвинских сборниках. Особенно эта близость наглядна в серийных рисунках,

¹² Прориси из Красноборского собр., № 93 оказались весьма близки по стилю многим рисункам из сборников 20-х гг. XIX в. типа сборника нравоучительных повестей Северодвинского собр., № 152. Эти же прориси имеют типовую и стилистическую близость с миниатюрами северодвинского сборника № 789. В этом лицевом сборнике начала XIX в. контуры миниатюр обведены пером, раскраска темперой. Здесь в целом ряде миниатюр на л. 40 (над головой змия), 43 об. (контур древа), 44 об. (стрелы), 112 (языки пламени), 119 (контуры нимбов), 168 (контуры ангелов), 178 (нос корабля), 298 (мост, кустики), 319 (фигура) имеются неокрашенные детали, на которых отчетливо видны следы оттисков.

¹³ Красноборское собр., № 136. Здесь же на л. 11—22 незаконченные перовые рисунки, скопированные с изображений из северодвинского сборника, № 152, а на л. 15 и 30 имеются слабые отпечатки с прорисей разных миниатюр.

¹⁴ О Н. П. Шестакове см.: Бударрагин В. П. Северодвинская рукописная традиция и ее представители // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 33. С. 404. Шестаковские рисунки см.: Красноборское собр., № 20, 83, 93.

¹⁵ Об И. Ф. Колодкине см.: Бударрагин В. П. Северодвинская рукописная традиция... С. 403.

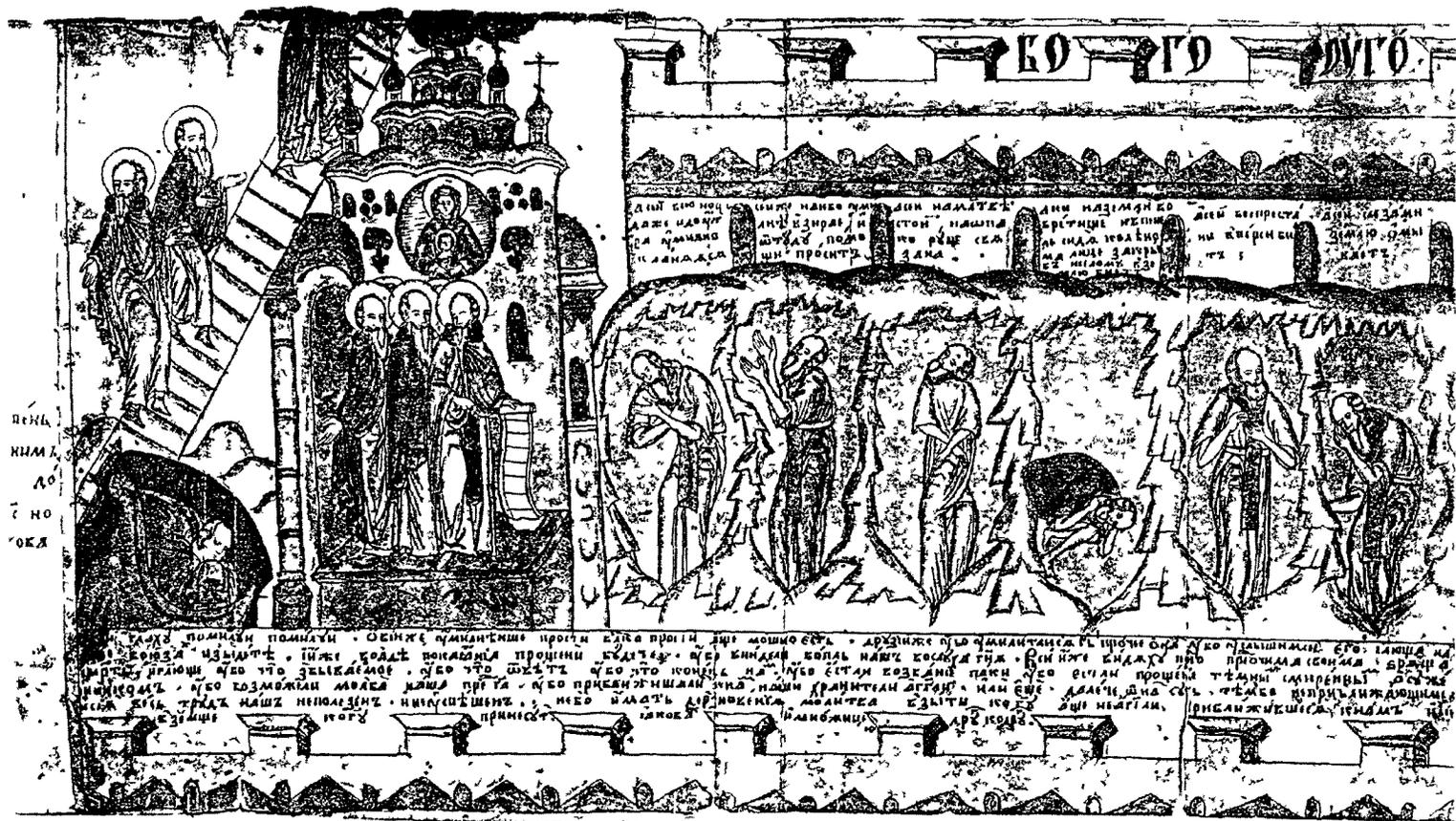


Рис 2 «Лестница духовная и богоугодная темница» 1810 е г Рисунок И Ф Колодкина выполненный по налечному образцу – прориси Северодвинское собр № 259

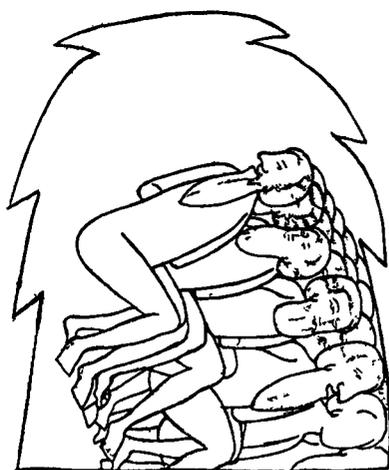
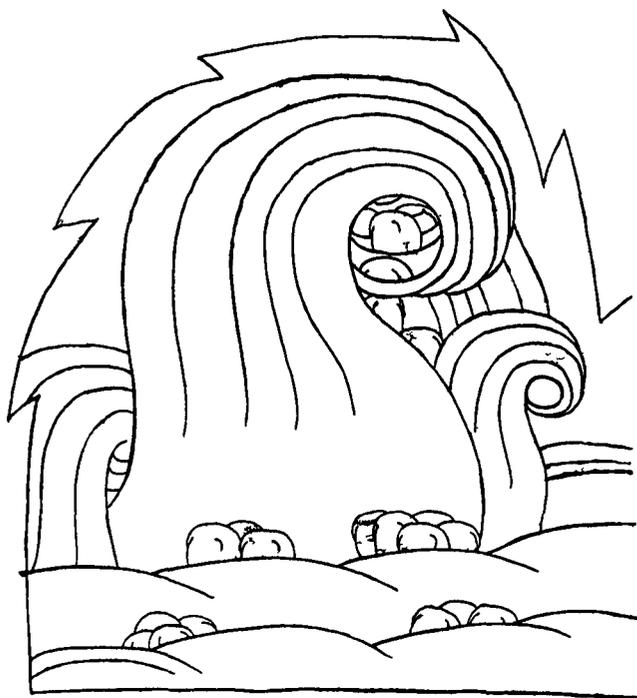


Рис 3 «Загробные муки грешников» Прорись для миниатюр к «Видению Палладия мниха» Красноборское собр № 93 л 2



Рис. 4. Ангел показывает мнуху загробные муки. Прорись для книжной миниатюры. Красноборское собр., № 93, л. 4.

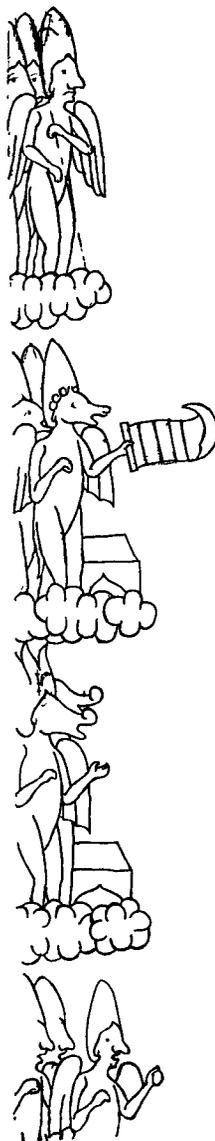


Рис. 5. Бесы со свитками и орудиями мучений. Прорись для миниатюры или настенного листа. Фрагмент. Красноборское собр., № 93, л. 5

объединенных общей темой, например, в изображениях загробных мук грешников или в сюжетах странствия души за гробом. Мы полагаем, что листы из Красноборского собрания являются остатками некогда значительно большей по составу профессиональной подборки книгописных образцов, на что указывают стилистически близкие миниатюры рукописей северодвинского происхождения.

В свое время иллюстрированные рукописи Древлехранилища Пушкинского Дома XVIII—XIX вв. по просьбе В. И. Малышева исследовала

О. А. Белоброва.¹⁶ Изучив несколько лицевых сборников, относящихся к северодвинской рукописно-книжной традиции, О. А. Белоброва установила, что контуры миниатюр в шести сборниках близкого содержания **идентичны**. Четыре таких сборника относятся к рубежу XVIII—XIX вв., а другие два переписаны значительно позднее.¹⁷ Рассмотренные лицевые рукописи можно уверенно отнести к одной книгописной традиции, что подтверждается также особенностями почерков и орнаментики. На основании сходства и даже совпадений в графике отдельных миниатюр исследовательница выдвинула предположение, что в основе рисунков лежала *общая прорись*, причем некоторые изображения даны в *зеркальном* отражении, а некоторые в ином масштабе.¹⁸

Среди известных нам однотипных северодвинских сборников самым полным по составу является лицевой сборник из фондов БАН, № 21.11.9. Находящиеся в рукописи миниатюры также обладают лучшей сохранностью и отличаются высоким качеством исполнения. Сборник переписан, по всей вероятности, И. Ф. Колодиным, на бумаге с «белой» фабричной датой «1816» г., современной краснорским прорисям. В конце сборника на л. 177 имеется запись скорописью начала XIX в., свидетельствующая о приобретении книги сообществом крестьян-старообрядцев с нравоучительной целью: «Сия книга Лествица духовная куплена Черевковской волости христианами по благословию отцов и по совету братии Приговорена хранится в дому Семена Спиридоновича Шашкова для собрания и поучения в страх Божий христиан и поучения на добродетель от нижних на высокая, и от плотских на духовная, возводя кичдо свой ум и житие управляя по Бозе и по заветам Господним». Отличительной особенностью этого образца северодвинского книгописного искусства является большое количество раскладных миниатюр, сложенных гармошкой в десять и более сгибов. На большинстве изображений имеются отчетливые следы использования первоначальных оттисков. При этом повторяющиеся оттиски с контурами миниатюр видны даже на листах с текстом (л. 41—64), причем строки текста написаны поверх слабых отпечатков. Такие же слабые оттиски видны кое-где и на чистых оборотах вставных миниатюр сборника. На миниатюре на л. 12 рядом с раскрашенным изображением сидящего на троне судьи повторен его же контур в виде оттиска с прориси (!) этой фигурки. Это наводит на мысль, что для сложных многофигурных сюжетов иллюстраторы могли использовать разрозненные образцы с элементами композиций, которые могли быть произвольно соединены в целую миниатюру. Аналогичным техническим приемом пользовались и иконописцы.¹⁹

¹⁶ Белоброва О. А. Северодвинские лицевые рукописные сборники XVIII—XIX вв. // ТОДРЛ Л., 1974 Т. 29

¹⁷ ИРЛИ, Древлехранилище 1) колл. Перетца, № 548, 2) Карельское собр., № 140 3) Северодвинское собр., № 152, РНБ 1) собр. Булаева, О 1428 (б), 2) О 1390 РГБ собр. Фадеева, № 41 К рассмотренным О. А. Белобровой сборникам теперь можно добавить еще несколько рукописей из Древлехранилища Пушкинского Дома, миниатюры которых выполнены в той же манере Северодвинское собр., № 259 407 789, 800 Того же происхождения северодвинские сборники из собр. БАН № 1131 (собр. Бурцева, № 2), собр. Плюшкина № 42 (здесь на л. 50 51, 53 и других видны следы первоначальных отпечатков с прорисей) украшенные многочисленными листовыми и раскладными картинками

¹⁸ Вопрос об изготовлении русскими мастерами рукописных зеркальных копий (и реплик) с гравированных западноевропейских иллюстраций рассмотрен О. А. Белобровой и обобщен в ее работе «Об источниках миниатюр к сочинениям Николая Спафария 1670-х гг.» (см. ТОДРЛ СПб 1992 Т. 45 С. 414—434) При этом автор не исследовал вопроса о технике получения зеркальных копий

¹⁹ См. сноску 3

Сборник того же содержания и такого же состава миниатюр мы находим в собрании Бурцева (БАН, № 1.1.31), с той лишь разницей, что бурцевская рукопись выполнена в конце XIX—начале XX в., вероятно, Н. П. Шестаковым, и им же скопированы миниатюры. Данный сборник представляет собой конволют, печатная часть которого содержит текст единовременного издания Жития Василия Нового с рукописными миниатюрами. В рукописи имеются «Лествица богоугодная», Сказание о чуде великомученика Георгия, Видение Палладия мниха, повести из Великого Зеркала и другие произведения, часто сопровождающиеся лицевыми изображениями разных изобразительных традиций. Следует упомянуть весьма близкий по содержанию и оформлению сборник из собрания Древлехранилища Пушкинского Дома ОП, оп. 24, № 13, происхождение которого также следует искать на Северной Двине. При всей своей тематической близости лицевые сборники северодвинской традиции отличаются друг от друга составом и подбором изображений, однако разбор этих разновидностей в нашу задачу не входит.

Северодвинская стилистическая традиция, вероятно, не ограничивалась только регионом Северной Двины. Об этом свидетельствует лицевой сборник начала XIX в. из собр. Плюшкина, № 72 (РО БАН), в котором почерки отличаются от типичных северодвинских. В плюшкинском сборнике миниатюры на л. 40—44 выполнены по прорисям, о чем свидетельствуют следы оттисков. Эти рисунки совпадают с изображениями вышеупомянутых типовых северодвинских сборников. Миниатюры на других листах сделаны не по прорисям и радикально отличаются от северодвинских. Отметим кстати, что в этом же плюшкинском сборнике имеется впервые нам встретившийся лицевой список Сказания о седмицах жития человеческого (л. 30—39), миниатюры к которому сделаны с применением прорисей, восходящих к образцам XVII в.

Бесспорный пример использования наклепных образцов для миниатюр предоставляет лицевой список жития Евфросинии Суздальской, хранящийся в Древлехранилище Пушкинского Дома, ОП, оп. 23, № 205. В этой рукописи среди фрагментов многих миниатюр, непрорисованных или незакрашенных, мы находим следы первоначального оттиска.²⁰ Кроме того, отчетливые следы отпечатков имеются во многих орнаментированных картушах, обрамляющих подписи к иллюстрациям жития.²¹ Предполагается, что образцами для наших миниатюр послужили изображения лицевого списка жития Евфросинии из собрания ГИМ, Муз., № 3437 (XVII в., 70—80-е гг.).²² Догадка о том, что «список Пушкинского Дома восходит, возможно, через какие-то промежуточные звенья, именно к рукописи ГИМ», высказана Ю. А. Грибовым.²³ Автор исследовал лицевые жития Евфросинии Суздальской в списках XVII в. и в отношении по крайней мере двух из них предположил «использование образцов для миниатюр в виде отдельных листов-прорисей».²⁴

Сравнив миниатюры из списка Муз., № 3437, воспроизведенные в статье Ю. А. Грибова, мы обнаружили, что миниатюры № 3437 на л. 16, 19, 20 об., 15 об., 29, 75 об. совпадают с изображениями рукописи

²⁰ См миниатюры на л 8 об., 9, 10, 11 об., 12, 12 об., 14 об., 15 об., 19, 28, 40 (!) и др

²¹ См картуши и орнаментированные концовки на л 2, 3, 7 об., 9, 9 об., 11, 40 и др

²² О списке см Грибов Ю. А. Лицевые списки Жития Евфросинии Суздальской 17 века // Русская книжность. Вопросы источниковедения и палеографии М 1998 С 81 (Труды ГИМ Вып 95)

²³ Там же С 141, примеч 20

²⁴ Там же С 81

оп. 23, № 205 на л. 16 об., 19, 20, 22, 27, 68 об., с той, однако, существенной разницей, что в нашем списке изображения *зеркальные* по отношению к оригиналу ГИМа. Имеются и некоторые отличия в силуэтах архитектурных фонов. Такая зеркальность могла получиться только в результате использования *прямых* образцов, которые дают при оттиске обратные («левые»), по терминологии самих мастеров) варианты изображений. Будучи зеркальными или обратными, такие изображения с точки зрения прямого восприятия содержат порой грубейшие ошибки, проигнорированные иллюстраторами. Например, на выходной миниатюре нашей рукописи (л. 2 об.) младенец Христос благословляет Евфросинию Суздальскую *левой* (!) рукой. На других изображениях видно, что воины держат мечи в *левой* руке, нижняя перекладина у восьмиконечного креста опущена не слева направо, а *наоборот*, и так далее.

Работая над иллюстрациями по контуру первоначального оттиска, миниатюристы чаще всего оставляли без дополнительной обводки те фрагменты прориси, отпечаток которых был слабым, почти не видным на бумаге. Такой исчезающе слабый оттиск орнаментированной рамки имеется на л. 98 нашей рукописи, хотя на л. 82 и 82 об. эта же фигурная рамка прорисована полностью.

В результате сделанного нами сопоставления изображений мы можем поддержать догадку Ю. А. Грибова о том, что именно миниатюры рукописи ГИМ, № 3437 послужили основой для изготовления переводов, которые позднее были использованы в списке жития Евфросинии Суздальской из собрания Пушкинского Дома.

Применение прорисей при изготовлении однотипных рукописей сопоставимо с использованием специально изготовленных *гравюр* для иллюстраций рукописных книг. Гравированные листы печатались в книг, распространяемых, например, в монастырских «скрипториях». В XVII—XVIII вв. книги дешевле было переписывать, нежели печатать. Гравюры клеивались в рукописный кодекс и раскрашивались красками уже вручную. Примером такой явно типовой монастырской «продукции» служит лицевой список Службы и Сказания о чудесах Тихвинской иконы Богоматери,²⁵ созданный, по нашему предположению, во второй четверти XVIII в. в Богородице-Успенском монастыре в Тихвине. Многочисленные лицевые изображения рукописи представляют собой добросовестно раскрашенные гравюры, подчас неотличимые от тонких рисунков пером.²⁶

В Государственном Историческом музее нами была обнаружена редчайшая подборка из 14 листов прорисей с изображениями эпизодов из Сказания о чуде новгородской иконы Знамения.²⁷ Стилистические особенности изображений позволяют отнести их к концу XVII—началу XVIII в., тогда как сами прориси изготовлены на бумаге третьей четверти XVIII в. В верхней части листов помещены выполненные черновой скорописью отдельные фрагменты сказания, а основное поле листа занимают соответствующие тексту иллюстрации. На каждом листе имеется помета «Образец наlepной места 1»; далее на всех листах обозначены 14 «мест» для предполагаемого размещения картинок. По нашему предположению, «места», указанные в пометах, могут пониматься как клейма

²⁵ БАН, собр. Бурцева, № 20.

²⁶ Любопытный пример использования гравюры с изображением царя Давида из старопечатной Псалтыри имеется в рукописном сборнике слов и поучений Исаака Сирина (БАН, Белокриницкое собр., № 23, рукопись XVIII в.). Иллюстратор закрасил плотными слоями темпера царские одежды Давида и, сохранив общий контур фигуры, придал ей облик Исаака Сирина в преподобническом облачении.

²⁷ ГИМ, № И XIII 6262. Бумага с водяным знаком: «PF» в волнистой рамке / «ЗО : ЗА».



Рис 6 «Образец наlepной места 13» Прорись для миниатюры к Сказанию о чуде новгородской иконы Знамения, XVIII в ГИМ № И XIII 6262

на иконе и как миниатюры в рукописи.²⁸ Мы не исключаем, что одни и те же образцы могли быть предназначены и для иконных клейм, и для миниатюр. Прямоугольные рамки гимовских прорисей не совсем совпадают между собой по высоте и ширине, что едва ли допустимо для иконных клейм, но зато все прориси вполне умещаются на страницах рукописи форматом в лист.

Гимовские наклепные образцы, как всякие прориси, передают зеркальное изображение сюжета. На это указывают уже знакомые нам несуразности, которые можно рассматривать как признаки обратных изображений: Христос благословляет *левой* рукой (л. 5, 12), сражающиеся воины держат мечи в *левой* руке (л. 13), нижняя перекладина церковных крестов *поднята* вверх слева направо, а не наоборот, и т. д. Общая композиция рисунка и текста на данных листах является типичной для лицевых рукописей XVII—XVIII вв. Аналогичное сочетание на одной странице изображения в рамке и текста мы находим во многих лицевых житиях форматом в лист. Все это дает нам основания предполагать, что перед нами образцы для изготовления иллюстрированного списка Сказания о чуде новгородской иконы Знамени.²⁹ Гимовские прориси важны для нас еще и тем, что на листах мы встречаем старинный термин «Образец наклепной», прямо обозначающий функцию листов. Этим термином мы будем пользоваться и в дальнейшем.

В Отделе рукописей ГИМ в собр. Уварова, находится замечательный лицевой иконописный подлинник последней четверти XVII в.³⁰ На листах кодекса имеются изображения отдельных святых и других иконных сюжетов, выполненных в технике *налепных образцов*. Причем часть сюжетов приведена в зеркальном изображении, что легко определяется путем сопоставления с рисунками изданного в 1869 г. Строгановского иконописного подлинника, местонахождение которого неизвестно. Оба кодекса относятся к одному типу месяцесловных подлинников с минимальными текстовыми комментариями к рисункам. Оба подлинника восходят к общему иконографическому источнику, причем Уваровский кодекс существенно дополняет и уточняет Строгановский экземпляр. Тот факт, что в Уваровском подлиннике находятся не рисунки, а оттиски изображений, доказывает, что на некоторых листах обнаруживаются явные следы сдвига печатных форм (то есть в данном случае «переводов» с рисунков). Такие технические ошибки неудивительны при использовании столь многочисленных оттисков для одной книги. Так на л. 66 лик святого мученика Виктора отпечатался три раза; на л. 124 об. правый персонаж первоначально отпечатан вне рамок рисунка; на л. 133 об. оттиск с изображением преподобной княгини Февронии частично наложился на изображение князя Петра Муромского; на л. 138 и 140 об. использован

²⁸ В лицевом Житии Сергия Радонежского XVII в. из библиотеки Петра I (БАН, 34.3.4) на внутренней стороне верхней крышки переплета имеется помета скорописью XVII в., относящаяся, как нам кажется, к процессу изготовления рукописи: «Щетом мест сорок четыреста семьдесят». Здесь 470 «мест» обозначает, вероятно, количество раскрашенных миниатюр в этой чрезвычайно богато иллюстрированной книге из царской библиотеки. Запись эта могла появиться как итоговая фиксация выполненной неким художником работы, которая, вероятно, оплачивалась сдельно.

²⁹ Л. А. Дмитриев, анализируя отражение Сказания об иконе Знамени в древнерусском искусстве, упоминает только один лицевой список XVII в.: РНБ, Ф.1.730, в котором имеется всего 11 миниатюр с подписями, расположенных по несколько изображений на одном листе. См.: Дмитриев Л. А. Житийные повести русского Севера как памятники литературы XIII—XVII вв. Л., 1973. С. 146—147.

³⁰ Систематическое описание славяно-русских рукописей собрания графа А. С. Уварова / Сист. архим. Леонид. М., 1893. Ч. 2. С. 515, № 1280 (1021).

один и тот же оттиск с изображением святого князя, только с разной формой бороды и венца, которые пририсованы позднее: на л. 155 в сюжете перенесения мошей святого видны следы удвоения контуров, образовавшиеся в результате сдвига отпечатка, и т. д. В создании лицевого иконописного подлинника использование прорисей с образцовых рисунков как рутинного приема в иконописном деле представляется самым естественным способом в тиражировании изображений. Вот почему в ряде архивов сохранились разрозненные листы старинных прорисей из лицевых месяцесловных подлинников типа Строгановского кодекса.³¹

В подсобном фонде Отдела древнерусского искусства Государственного Русского музея среди прорисей и переводов с икон хранится подборка прорисей для иллюстраций к Апокалипсису, все образцы которой подготовлены для рукописи форматом в лист. Там же находятся образцы для рисунков к Страстям Христовым, прориси к книжным заставкам³² разных стилей. Не исключено, что некоторые прориси или переводы, имеющиеся в разных музеях и атрибутированные как образцы иконных клейм житийных икон или икон с «чудесами», могли быть предназначены также и для выполнения книжных иллюстраций.

Наше внимание давно привлекала рукопись из Причудского собрания, № 55 Древлехранилища Пушкинского Дома. Это щедро иллюстрированный Синодик, переписанный в Причудье в 1887 г. В рукописи архаичный рисунок лицевых изображений противоречит их раскраске, выполненной в яркой, почти плакатной манере. В начале кодекса имеется писцовая запись, гласящая: «7395-го [1887] года месяца августа 21 дня сей Синодик с современного оригинала списан текстом слово в слово, так же картины и заставки точной копией». Мы предполагаем, что переписчиком книги был причудский старообрядец Гавриил Ефимович Фролов (+ 1930 г.), впоследствии ставший выдающимся иконописцем, работавшим в строгом дониконовском иконописном стиле. Иконы письма Фролова можно и сейчас видеть едва ли не в каждом старообрядческом храме по всей Прибалтике. Рисунки миниатюр во фроловском Синодике напоминают изображения лицевых рукописей XVI в., их раскраска — явно из позднейшей эпохи. Черно-белые заставки и инициалы довольно грубой по сравнению с миниатюрами работы заставляют говорить об эклектичности рукописи в целом, которая может быть объяснена малоопытностью молодого автора.

В Синодике большинство заставок и чернильных инициалов выполнено в подражание старопечатным образцам (л. 7, 59, 62—68). Подражания в рукописном декоре отличаются грубоватым исполнением и демонстрируют непонимание автором сложных принципов построения орнаментальных мотивов на образцах.³³ Очертания и детали заставок рассматриваемой рукописи весьма старательно обведены чернилами по оттиску с прориси. Этот оттиск едва виден внутри заставок, и только местами фрагменты его оказались не обведенными чернилами — это и «выдает» использование переписчиком прориси. Именно слабый, едва видный на бумаге отпечаток не позволял вникнуть в хитросплетения оригинала и затем верно повторить его в перовой описи. Так образовались искажения в орнаменте.

³¹ Маркелов Г. В. Святые Древней Руси... Т. 2. С. 269—279. Глава «Святые Древней Руси в „лицевых“ иконописных подлинниках».

³² ГРМ, ПМ 5330—5334.

³³ Бударрагин В. П., Маркелов Г. В. Орнаментика крестьянской рукописной книги XVIII—XIX вв. // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 38. С. 481.

Обратимся к иллюстрациям фроловского Синодика, которые, на первый взгляд, выполнены в обычной для поздней книжной миниатюры технике перового рисунка с последующей акварельной или темперной раскраской. Нам удалось установить, что техника изображений в Синодике оказалась сложнее традиционной, поскольку графической основой рисунку послужили первоначальные оттиски. При этом обнаружилось, что перовая прорисовка по линиям оттиска сделана с такой тщательностью, что линии прориси почти совсем не видны. Лишь кое-где первоначальный оттиск распознается в деталях миниатюр, которые покрыты светлыми прозрачными колерами без разбелки или вовсе не окрашены. Например, на миниатюре с изображением милостивого Созомона (л. 31 об.) видны следы оттиска на неокрашенной стене храма. Точками оттиснут неровный контур нимбов на изображении Лона Авраамова (л. 24 об.), хотя позднее рисовальщик уточнил контуры нимбов циркулем. Отпечатались и остались непрорисованными декоративные детали на белом фоне в миниатюре «Горний Иерусалим» (л. 12). Остались неокрашенными и поэтому видными оттиски с изображениями отдельных листьев на древе в миниатюре «Преподобный Макарий находит череп в пустыне» (л. 41 об.). Имеются в рукописи и другие примеры.

Из вышеизложенного ясно, какой именно копией является фроловский Синодик, о которой сказано в писцовой приписке: миниатюры и заставки этой рукописи скопированы с применением прорисей. Этот прием был хорошо известен причудским иконописцам при копировании икон.³⁴ Г. Е. Фролов употреблял прориси и в работе над рукописными миниатюрами. Осталось найти оригинал, с которого была сделана фроловская копия нашего Синодика.³⁵

Явные следы использования наlepных образцов видны в весьма профессионально выполненных иллюстрациях к лицевому сборнику повестей из Великого Зеркала, колл. Пухальского, № 23 в Древлехранилище ИРЛИ. В рукописи начала XIX в. имеется 19 миниатюр в красках. На миниатюрах л. 22 об., 26 об., 30 об., 31 об., 34 об., 36 об. и 39 об. усматриваются непрорисованные линии оттиска в контурах фигур, складках одежд, декоративных узорах, линиях архитектурного стаффажа, фоновых горок и т. д. На миниатюре, расположенной на первом листе рукописи, в креслатом нимбе Христа буквы «Ѡ — О — Н» расположены в обратном порядке, что свидетельствует об использовании прямого наlepного образца. Здесь же оказался непрорисованным отпечаток, образующий узор на покрывале жертвенника.

По первоначальному оттиску воспроизведены изображения апокалиптического зверя, истинных и ложных перстосложений в рукописной «Книге о церковных тайнах» из собрания Амосова—Богдановой, № 56. Рисунки из этой рукописи начала XIX в. послужили образцами для

³⁴ Иконные прориси из Причудья составляют значительную часть коллекции И. Н. Заволоки в Древлехранилище. См. Прориси и переводы икон из собрания Пушкинского Дома / Сост. Г. В. Маркелов СПб., 1998 С. 7—8

³⁵ Среди иллюстрированных синодиков, хранящихся в БАН наше внимание привлекли два лицевых синодика XVII в. Первый — № 33 9 4, в 4-ку, на миниатюрах которого усматриваются следы применения первоначальных оттисков однако здесь стиль и характер графики отличается от рисунков фроловской рукописи. Между прочим, в состав синодика 33 9 4 включен лицевой (!) список повести о посаднике Шиле, украшенный весьма оригинальными миниатюрами (см. также БАН, № 17 5 5). Второй синодик — собр. Археографической комиссии, № 302, в 4-ку. Переписан в 1638 г. архиепископом Нектарием Сибирским для Нило-Столобенского монастыря. Здесь миниатюры по стилю и раскраске весьма похожи на украшения фроловского Синодика, но имеют иной формат. Любопытно, что на миниатюрах сохранились следы копирования в виде карандашных обводок контуров

книги под тем же названием из коллекции Гемп, № 13 (Древлехранилище ИРЛИ), переписанной уже в конце XIX в. Характерно, что обе рукописи найдены в пределах Архангельской области.

Следы оттисков с прорисей мы находим на миниатюрах рукописи из Красноборского собр., № 258: на л. 5 с изображением мук блудодоя и на л. 5 об. с изображением преподобных и диакона с кадиллом. Здесь же (л. 1—3) видны слабо отпечатавшиеся оттиски прорисей для икон Спасителя и Богоматери.

В подборке разных рисунков из Красноборского собр., № 83, на обороте л. 15 с изображениями «пышных» и «покорных» персонажей отчетливо виден отпечаток с миниатюрой иного сюжета: бесы влекут блудницу в ад, причем оттиск не обведен чернилами. А на обороте л. 14 с красочной миниатюрой имеется шесть одинаковых оттисков декоративного цветка, произведенных с одного образца.

Особый случай весьма близких между собой изображений мы находим в двух лицевых сборниках: из коллекции Гемп, № 89, начала XX в. и из фонда ОП, оп. 24, № 118, 1910 г., содержащих десятки грубо раскрашенных рисунков. Обе рукописи в 4-ку идентичны по содержанию, однако отличаются почерками и раскраской изображений, которые представляют собой рисунки пером *без видимых следов прорисей, но совпадающих по контурам* в обеих рукописях. Трудно сказать, какой именно прием копирования в данном случае применен. Не исключено, что рисовал иллюстрации один автор с разницей во времени в несколько лет, но возможно также, что рисунки копировались на просвет. С текстами и изображениями указанных сборников во многом совпадают разделы и композиции в сборнике из Северодвинского собр., № 460; менее часты совпадения в рукописи Северодвинского собр., № 789; близкое сходство мы находим с оформлением рукописи в 8-ку из того же Северодвинского собр., № 231. Все здесь упомянутые рукописи северодвинской рукописной традиции относятся к концу XIX—началу XX в. и восходят к стилю лицевых рукописей рубежа XVIII—XIX вв., типа уже упоминавшегося выше сборника Северодвинского собр., № 152. Следует полагать, что в данной местности стиль книжного оформления удерживался достаточно долго, благодаря устойчивым приемам копирования признанных образцов, потребность в которых переходила из столетия в столетие.

Разумеется, далеко не всегда можно уверенно говорить об использовании северодвинскими рисовальщиками готовых форм в виде прорисей. Гораздо чаще среди позднего изобразительного материала мы встречаем упрощенные формы: предварительные рисунки карандашом с последующей чернильной обводкой и акварельной раскраской. Такие изображения делались путем простого срисовывания с оригинала, при этом от умения рисовальщика напрямую зависело сохранение самобытного стиля местной изобразительной традиции.³⁶ Справедливости ради следует заметить, что большинство миниатюр поздних северодвинских лицевых рукописей создавалось по первоначальным карандашным наброскам с последующей прорисовкой контуров пером и акварельной раскраской. Причем местный стиль³⁷ усматривается только в некоторых таких изображениях, тогда как

³⁶ Например, в рукописи Северодвинского собр., № 231 рисунки и раскраска миниатюр срисованы в наивном стиле со старинной лицевой рукописи крестьянином Нижнетотемской вол. д. Наволоцкой Федотом Королевым в 1910 г.

³⁷ См., например, Северодвинское собр., № 362, 407, 460, 560 и др.

в большинстве лицевых рукописей конца XIX—начала XX в. мы видим образцы наивного деревенского пошиба.³⁸

* * *

Нам уже приходилось писать о том, что старообрядческие художники применяли прориси не только при написании икон, но и при создании портретных изображений своих наставников и учителей. В их числе отметим прорись с изображением основателя Выговской поморской старообрядческой пустыни Андрея Денисова,³⁹ находящуюся в фонде Отдельных поступлений Древлехранилища, оп. 23, № 129,⁴⁰ которая могла быть использована как для изготовления рисованных настенных портретов на бумаге, так и для написания иконы знаменитого выговца.⁴¹

Рассмотрим еще некоторые примеры на материале настенных листов из фондов Древлехранилища. Изображения большинства настенных старообрядческих лубков выполнены чаще всего в технике раскрашенного перового рисунка по предварительным карандашным контурам. Сюжеты многих картинок известны, и наши экземпляры представляют собой лишь реплики более старых произведений. Использование промежуточных образцов в большинстве копий не усматривается. Между тем наше внимание привлекла техника изготовления целого красочного комплекта настенных листов с изображениями выговских отцов-основателей из фонда Отдельных поступлений, оп. 23, № 46. Своеобразие этих рисунков отмечено О. А. Белобровой,⁴² датировавшей листы рубежом XVIII—XIX вв. и посчитавшей, что эти листы некогда принадлежали А. Е. Бурцеву.⁴³ Однако нам представляется, что данные рисунки выполнены по старинным копиям в конце XIX—начале XX в. в домашней книгописной и иконной мастерской вологодских крестьян Каликиных, возможно, с применением наlepных образцов. Наше предположение основывается на следующем: 1) на всех одиннадцати портретах жесты рук изображены всего в двух идентичных вариантах, что может быть объяснено наличием для них единого образца; 2) на обороте портрета инока Корнилия (л. 5) имеется слабый отпечаток прориси с изображением Ивана Филиппова в том же масштабе и того же типа, но в несколько иной, более архаичной, манере рисунка. Кроме того, очень небольшие фрагменты отпечатка видны на деталях изображения (например, на пряди волос) инока Кирилла (л. 4). Мы не исключаем, что наши портреты скопированы с бурцевских листов.

В полуподпольной мастерской Каликиных, располагавшейся в конце XIX—начале XX в. в доме отставного солдата крестьянина Тотемского уезда Спасской волости д. Гавриловской Антона Семенова Каликина,

³⁸ См. там же, № 231, 306, 353, 825, 826, 828, 883, 888 и др.

³⁹ На обороте листа в 8-ку с другим изображением Андрея Денисова (Красноборское собр., № 259, л. 1) помещено изображение одного из выговских большаков (не Ивана ли Филиппова?), выполненное как обводка чернилами по прориси.

⁴⁰ Прорись воспроизведена в кн.: Маркелов Г. В. Святые Древней Руси... Т. 2. Приложение, ил. 59. Прориси для книжных изображений выговцев см.: ГМИР. Б-7344-IV, № 36, 43.

⁴¹ В фонде ГПНТБ в СО РАН в собрании М. Н. Тихомирова № 655 имеется раскрашенный настенный лист, на котором Андрей Денисов изображен сидящим за столом с принадлежностями для письма. Изображение выполнено по первоначальной прориси, о чем свидетельствуют линии оттиска, видимые на неокрашенных деталях рисунка. Благодарю Ф. В. Панченко за эти сведения.

⁴² Белоброва О. А. Настенные листы (краткий обзор). С. 326—328.

⁴³ Бурцев А. Е. Библиографическое обозрение древнеславянской и русской письменности от XIV до начала XX в. СПб., 1904. Т. 3. Вклейка между с. 82 и 83, с. 124, 130, 156, 173.

перепиской книг и изготовлением раскрашенных рисунков и икон занимались все, включая детей. Здесь было создано по крайней мере несколько десятков рукописных лицевых книг, отчасти хранящихся ныне в фондах РО БАН и Древлехранилища Пушкинского Дома. В тексте приговора Тотемского уездного суда от 22 января 1903 г., присудившего А. С. Каликина к уплате 50 р. штрафа за распространение «раскольнических» книг и икон, между прочим, констатируется: «... по розыску в квартире Каликина действительно переписываются старые книги, но не им самим, а его детьми Иваном 13 лет и Григорием 10 лет, равно также ими же пишется и живопись на всякой бумаге к этим же книгам, для видимости приложено 10 листов из книги Пролога, 10 картин из Апокалипсиса. 17 картин вчерне, 3 картины из книг, две на толстой и одна на простой бумаге, одна картина в трех экземплярах, из коих один печатный и одна картина, писанная с печатной, но подлинника нет, и два трафарета...»⁴⁴ Из протокола обыска явствует, что Каликины изготовляли картины в нескольких экземплярах, для чего использовали трафареты и проч

Следует иметь в виду, что иногда прорисьями для икон пользовались при изготовлении иконных изображений на бумаге в качестве настенных листов. Таково раскрашенное изображение ветхозаветной Троицы на бумаге (Красноборское собр., № 139, л. 1), выполненное по иконной прориси из того же собрания (Красноборское собр., № 139, л. 3)⁴⁵ Не исключено, что иконные прориси использовались книжниками для изображений на титульных листах рукописей. Например, в сборниках сочинений Максима Грека встречаются его поясные изображения, близкие к малоформатным иконам святого.⁴⁶

Типичный пример использования иконных прорисей для книжных миниатюр в рукописях XVII в. мы находим в конволюте форматом в лист из собр. Дружинина, № 961 (РО БАН). В древнейшей части рукописи, относящейся к середине XVII в., в разделах, предворяющих Толковый Апокалипсис, мы находим две красочные «выходные» миниатюры, изображающие автора Апокалипсиса Иоанна Богослова в рост в молитвенном предстоянии Христу (л. 102 об.) и одного из его главных толкователей — Ипполита папы Римского (л. 96 об.), восседающего на троне. Обе миниатюры внешне выглядят скорее иконами, выполненными в традиционном древнерусском стиле, нежели книжными миниатюрами.

Вне всякого сомнения, иконными прорисьями пользовались выговские книгописцы. Ранний образчик этого — поморский список Жития Иосифа Волоколамского,⁴⁷ который украшают две миниатюры великолепной работы с изображением преподобного в рост, раскрашенные темперой в традиционном иконописном стиле. Рисунки на обеих миниатюрах

⁴⁴ БАН собр Каликина № 51 л 2 Просматривая каликинские лицевые рукописи в БАН (собр Бурцева № 8, 9, 11, 14, № 45 49 собр Чапыгина, № 3, № 33 5 14 л 31 № 19 2 25 19 2 26 и др), мы обнаружили явные следы первоначальных оттисков только на миниатюрах Жития Василия Нового (БАН, № 1 1 37, л 26, 38 71 73, 76 81 110 и др) Возможно были использованы припороки при изготовлении рисунков в рукописи № 1 1 38 Во всех остальных рукописях украшения и миниатюры одинакового содержания делались по предварительным карандашным наброскам

⁴⁵ См Прориси и переводы икон из собрания Пушкинского Дома Кат № 135 рис 98

⁴⁶ См например, прорись с иконы Максима Грека XVII в в кн Маркелов Г В Святые Древней Руси Т 1 Атлас, № 162 Изображения преподобного Максима в рукописях XVI в см РНБ Солов 494/513, Солов 496/515 л 9 об Солов 497/516 л 13 об ОЛДП О 176 л 4 об описание см Синицина Н В Максим Грек в России М 1977 С 265—270 Благодарю О В Панченко за указанные сведения

⁴⁷ БАН собр Каликина № 16 Рукопись первой трети XVIII в разделы текста предворяют печатные с деревянных досок узорчатые заставки оригинального орнамента

(л. II об. и 42 об.) представляют собой отпечатки иконных образцов, предназначенных для небольших икон аналойного формата. Аналогичные прориси использовались для изображения святых Сергия и Никона Радонежских, Макария Калязинского и других преподобных,⁴⁸ а также Иосифа Волоцкого,⁴⁹ которым иконографическая традиция приписывает почти что одинаковый облик. Иконный налlepной образец использован в миниатюре с изображением Кирилла Белозерского⁵⁰ в рукописи 1710 г.

Отпечатки иконных прорисей с изображением Богоматери Одигитрии Смоленской (л. 10 об., только контур без раскраски) и преподобного Евфросина Псковского (л. 43 об. с превосходной акварельной раскраской), оба XIX в., вклеены в качестве миниатюр в Сборник XVII в.⁵¹ при реставрации рукописи в середине прошлого столетия.

Иконные сюжеты нередко становятся книжными миниатюрами. Так, уже упоминавшийся сюжет «Лествица духовная и богоугодная темница», выполненный по прориси из Красноборского собр., № 93, л. 7, мы находим на старообрядческих иконах северного «скитского» письма. Сюжет «Лестницы духовной» был воплощен в древнерусской гравюре.⁵² В Латгальском собрании Древлехранилища, в конволюте № 451, на л. 86 об.—113 об. вклеены разрозненные фрагменты, вырезанные из целого гравированного листа с изображениями аскетических подвигов. Они служили иллюстрациями к составленному в конце XVII в. сборнику Диомида Серкова «Крины сельныя или цветы прекрасныя». Однако композиции гравюр не совпадают с нашей прорисью из Красноборского собрания, № 93, хотя и имеют несомненно общее происхождение. Между прочим, этот же сюжет с различными видами подвижничества представлен в поздней, уже упоминавшейся нами, северодвинской рукописи из фонда ОП, оп. 24, № 13, однако здесь прорись не применялась, и неумелый рисовальщик в меру сил просто срисовал композицию.

Можно уверенно говорить о том, что авторы изображений в лицевых рукописях были иконописцами. Провинциальным северодвинским иконописцам были известны способы изготовления и применения прорисей. Так, в сборнике выписок по малярному и иконописному делу за 1898—1915 гг. известного северодвинского рисовальщика В. И. Третьякова среди рецептов красок, грунтов, олиф имеются выписки из иконописных подлинников с соответствующими «указцами», типа: «Как ресунки прописывать еще. Олховое полено сожги на уголье и етот уголь на плите с водой хорошенько протри. Тогда и поступай писать кистью по ресунку по всем чертам. И тогда накладай на подобное (должно быть — «надобное». — Г. М.) место и прижимай, где нужно быть иконе, и отворачивай ресунок, иногда и пыhti, чтобы пуше пятнало, и не один раз. Сиречь не на одну икону накладай того случая».⁵³ В этой же рукописи ниже Третьяков вновь описывает применение прориси, которую он называет «ресунком». К описанию процесса левкашения доски он добавляет: грунт «отчистить брусом или пензой и наложить ресунок на доску и спровести, чтобы ресунок остался на доске. И посем проходить графьи и потом

⁴⁸ Маркелов Г. В. Святые Древней Руси... Т. 1. Атлас, № 87, 144, 158, 187, 188, 224, 235, 237, 238.

⁴⁹ Там же. Т. 2. Свод, № 246.

⁵⁰ БАН, собр. Петровской галереи, № 60, л. 46 об.

⁵¹ БАН, собр. Плoшкiна, № 164. Сборник с реставрационными вставками и дополнениями XIX в.

⁵² См.: Ровинский Д. А. Русские народные картинки. Кн. 3. Притчи и листы духовные. СПб., 1881. С. 151—152, № 773.

⁵³ Древлехранилище ИРЛИ, Северодвинское собр., № 837, л. 9. Схожий «указец» см. там же на л. 26 об.

прокрывать красками и потом роспись по графьям».⁵⁴ Кстати, на л. 25 об. Третьяковым записано наставление о том, как в лицевых книгах бесов раскрашивать: «...подобает грецка вохра на курином желыше розвести, туда надобно часть малую чернила подбавить. По сему признал краска удобнее...».

Особо следует оговорить использование копировальной бумаги, которая была известна на Двине уже к концу XIX в. В частности, в записных книжках В. И. Третьякова имеется рецепт самостоятельного изготовления такой, по выражению книгописца, «снимальной» бумаги.⁵⁵ В архиве Третьякова имеются контуры, нанесенные с помощью копировальной бумаги с последующей прорисовкой пером. Эти рисунки использовались в качестве образцов для икон местного письма.⁵⁶

Среди бумаг Третьякова имеется лист с прорисовками книжных заставок и орнаментированного инициала «П», снятых с рукописных книг ин фолио.⁵⁷ Копии выполнены карандашом, скорее всего, их прорисовывали на просвет, приложив бумагу к стеклу. Для придания большей прозрачности лист с образцами был промаслен. Именно с этого листа был скопирован инициал в одну из певческих рукописей собрания Амосова—Богдановой форматом в четверку,⁵⁸ с той, однако, разницей, что в рукописи инициал целиком не помещался и поэтому его нижний декоративный элемент не был воспроизведен. В данном случае оттиск прорисовки виден в рукописи достаточно хорошо. На лицевой стороне того же листа в рукописи помещена заставка-рамка, выполненная в той же технике прорисовки пером по оттиску.

Рассмотрим еще пример использования наклепного перевода. В лицевом сборнике Северодвинского собрания, № 152 на л. 92 об. имеется оттиск с изображением фигуры смиренного человека и Христа над ним. Буквы в крещатом нимбе Христа оттиснуты в обратном порядке, следовательно, использовался прямой перевод миниатюры. На отпечатке только начата прорисовка пером. Возможно, художник вовремя сообразил, что нет смысла прорабатывать «неправильное» зеркальное изображение. Тем более, что на л. 185 той же рукописи мы находим и прямое воспроизведение этого сюжета: здесь перед нами вполне законченная миниатюра в красках, контуры которой имеют тот же образец, что и на л. 92 об.

* * *

Как мы уже писали, наклепные образцы применялись в книгописании также для воспроизведения книжного декора. Всем хорошо известны поморские рукописи, легко отличимые среди других не только по характерному почерку, но и по не менее характерному повторяющемуся декору. А ведь таких одинаковых или весьма близких между собой образцов поморского орнамента можно насчитать сотни, если не тысячи. Как на протяжении около двухсот лет сохранялся почти неизменным поморский орнамент?

⁵⁴ Там же, л. 26.

⁵⁵ Дрвслехранилище ИРЛИ, Северодвинское собр., № 292/1.

⁵⁶ См., например, Дрвслехранилище ИРЛИ, Северодвинское собр., № 309. Такие «образцы» процарапывались иглой или спицей при непосредственном перенесении изображения с них на левкас. Очевидно, что в данном случае под образец подкладывалась копировальная бумага красящей стороной вниз, и таким образом контуры изображения запечатлевались на левкасе.

⁵⁷ См.: Дрвслехранилище ИРЛИ, Северодвинское собр., № 309, л. 78.

⁵⁸ Дрвслехранилище ИРЛИ, колл. Амосова—Богдановой. № 183, л. 5 об. Рукопись конца XIX в.

Наблюдения над техникой исполнения поморских орнаментов показывают, что в период расцвета (и стагнации) выговской книгописной традиции многие декоративные украшения рукописей тиражировались с помощью прорисей. Это особенно характерно для типовых рукописей (псалтирей, часословов, певческих книг и т. д.), переписанных в последней четверти XVIII—первой трети XIX в., в которых хорошо видны следы первоначальных прорисей. Например, в рукописи из коллекции Заволоко, № 77 заставка-рамка на л. 4 выполнена по контуру прориси. На л. 1 рукописи Заволоко, № 78 отпечатался след от прориси с соседнего листа, а на л. 4 об. той же рукописи отпечатался след от прориси инициала с соседнего листа. Контурные заставки-рамки на л. 2 в рукописи Заволоко, № 246 обведены по слабо видимому оттиску. Заставка-рамка на л. 5 рукописи из коллекции Перетца, № 571 выполнена по прориси. В рукописи Оп. 25, № 48, л. 1 чернильная обводка нанесена по контуру нераскрашенного оттиска заставки-рамки; в рукописи Перетца, № 636 на л. 6 пером обведен нанесенный заранее контур и т. д. В Выголексинском общежительстве, при столь масштабном производстве рукописных книг «конвейерным» способом, заранее заготовленные прориси с образцовых форм не только значительно ускорили и облегчали работу книгописцев, но и вынуждали их придерживаться единых стилистических приемов и форм на протяжении многих десятилетий.

Весьма показательны приемы декорирования рукописей на примере певческого Сборника служб и канонов из собрания БАН, переписанного на Выгу в начале XIX в.⁵⁹ В нем среди типичных киноварных инициалов и заставок поморского стиля, выполненных без предварительного рисунка, на л. 120 об., 121 об., 123, 124 об., 125 об., 129, 131 и других имеются украшения, сделанные по первоначальным оттискам. При этом на л. 25 и 125 в контурах орнаментированных инициалов мы находим следы прорисей, выполненных в нетипичном для поморских рукописей стиле. Здесь использован более архаичный барочно-старопечатный стиль, редко встречающийся среди поморских рукописей этого периода. Любопытно, что первоначальные контуры выполнены киноварью (!). В этом же сборнике наряду с типичными поморскими маргинальными цветками или жезлами на л. 106, 106 об., 107, на полях л. 107 об., 108, 108 об., 109, 109 об., 110 об., 111, 112, 120 имеются украшения старопечатного стиля, выполненные в технике перовой прорисовки по оттиску. В контурах этих украшений следы первоначальных прорисей отчетливо видны, причем на л. 111 об. сохранился только отпечаток без последующей обводки чернилами. На л. 113 об. и 114 маргинальные жезлы имеют форму уже не узкого напольного цветка, а стройных «дерев», в контуры которых вписаны хитросплетения изощренного старопечатного орнамента. Данный пример наглядно демонстрирует приемы работы выговских мастеров-книгописцев с книжным декором незнакомого или не освоенного ими стиля. В таких случаях выговцы охотно использовали наlepные образцы — прориси или переводы, которые позволяли опытным рисовальщикам без труда воспроизводить орнаментику любой сложности.

Пример использования образцов-инициалов⁶⁰ мы находим в богато декорированном певческом сборнике на линейных нотах из коллекции

⁵⁹ БАН, № 25.1.13.

⁶⁰ Между прочим, в фондах Государственного музея истории религий также хранится небольшая подборка прорисей книжных инициалов. См.: ГМИР, Б-7344-IV, 146.

Бражникова, № 58 (Древлехранилище ИРЛИ). Сборник переписан в конце XIX в., возможно, для заказчика из числа единоверцев. В рукописи на каждом развороте имеется по несколько крупных разноцветных инициалов, выполненных очень умелым мастером, графиком и колористом. Среди сотен орнаментированных инициалов, в основе декора которых лежит старопечатный орнамент, усматривается применение довольно ограниченного набора из двух-трех десятков образцов. Рисовальщик варьировал один и тот же контур, расцвечивая инициал разными красками либо наполняя контур изнутри новыми разновидностями старопечатных мотивов, несомненным знатоком которых он был.

Любопытный материал предоставляют фонды Рукописного отдела БАН. В той части архива В. Г. Дружинина, которая пока не описана, имеется подборка наlepных прорисей и переводов разнообразных видов орнаментики, применявшихся как в иконописном деле (например, для нанесения узора на иконные поля), так и в книгописании: образцы заставок, заставок-рамок, титульных разворотов, орнаментированных инициалов и букв различных стилей. Здесь же образцы — *прописи* поморского письма: азбука, составленная из вариантов начертаний заглавных букв и орнаментированных инициалов, варианты типовых заглавий вязью. В этой же подборке имеются припорохи и сколки образцов орнамента, а также скопированные на кальку и на папиросную бумагу заставки и инициалы, предназначенные для воспроизведения в печати (?). Происхождение этих материалов трудно установить, однако представляется возможным, что собирал их Ф. А. Каликин специально для В. Г. Дружинина, интересовавшегося всеми аспектами художественной деятельности Выга. Ф. А. Каликин в начале XX в. неоднократно бывал на Выгу и в других старообрядческих поморских центрах с археографической целью; тогда-то у него и была возможность заполучить книгописные образцы у выговских «остальцев».

Еще одна рукопись старообрядческого письма рубежа XVIII—XIX вв. из фонда РО БАН — собр. Бурцева, № 4 — содержит следы применения прорисей как в миниатюрах (л. 3 об., 81 об., 153 об., 178 об., 530 об.), так и в орнаментированных заставках и заставках-рамках (л. 4, 22, 82, 179, 240, 348, 531).

Особый интерес представляет собой архив книгописного центра старообрядцев-странников,⁶¹ находившегося в д. Залесье на Каргополье. Обнаруженные во время археографической экспедиции 1975 г.⁶² и хранящиеся ныне в РО БАН материалы являются наиболее объемистой подборкой профессиональных образцов среди имеющихся в нашем распоряжении. Несмотря на то что многие листы датированы 1906—1908 гг.,⁶³ каргопольская находка уникальна по целостности материала. Почти все листы представляют собой сколки для последующего припороха, сделанные по оттискам прорисей и переводов, по рисункам пером или карандашом. Стиль орнаментики на листах с кружевом проколов определить трудно, но, как кажется, в основе каргопольских образцов лежит поморский декор. Большая часть — образцы книжных заставок самых разных конфигураций и размеров, маргинальных украшений, рамок, концовок, орнаментированных инициалов и букв — предназначена для рукописей

⁶¹ БАН. Каргопольское собр., № 283, 284, 396.

⁶² Амосов А. А., Бубнов Н. Ю. Археографические экспедиции Библиотеки АН СССР в Каргопольский и Плесецкий районы Архангельской области // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги. Л., 1978. С. 262—298.

⁶³ На многих листах имеются авторские пометы девятнадцатилетнего Александра Михайловича Яблокова.

разных форматов.⁶⁴ Следует отметить, что образцы отличаются довольно грубым исполнением, механической копировкой. Материалом для образцов служит не только бумага, но и калька и папиросная бумага, что свидетельствует об освоении новейших приемов копирования в среде страннических книгописцев на рубеже XIX—XX вв. Судя по числу сохранившихся образцов — а это многие десятки листов и листочков, дело копирования у деревенских книгописцев было поставлено широко, в расчете на большое количество заказов. Каргопольские находки «позволяют восстановить процесс деятельности книгописной мастерской, ...открывают возможности идентификации и определения многих неатрибутированных рукописей данного региона».⁶⁵ А. А. Амосов обратил внимание на то, что «уже предварительное сопоставление орнамента рукописей Каргопольского собрания БАН с найденными трафаретами и прорисями позволило выявить свыше 40 кодексов, при оформлении которых использовались сюжеты, представленные в данной подборке».⁶⁶

* * *

Приведенные выше примеры доказывают сходство в приемах изготовления лицевых и орнаментированных рукописей только нескольких старообрядческих рукописно-книжных центров: Выголексинского, Северодвинского, Каргопольского и Причудского. Несомненно, приемы эти уходят корнями в древнерусскую традицию, вообще коренятся в древних способах копирования и тиражирования изображений. Едва ли старообрядцы были новаторами в столь традиционном ремесле. Древнерусские книгописцы знали секреты изготовления прорисей с любых плоскостных изображений, чтобы в дальнейшем полученные образцы использовать для многократного повторения в новонаписанных рукописях.

Разумеется, пока мы можем говорить лишь об отдельных, исследованных экземплярах лицевых рукописей. Но углубление в материал древнерусских иллюстраций может ставить все новые и новые вопросы, остающиеся пока без ответа. Например — хорошо известный лицевой сборник XVII в. житий новгородских святых из фонда Древлехранилища, собр. Каликина, № 35. Нам не удалось обнаружить явных следов использования наlepных образцов в миниатюрах сборника, но, например, на л. 117 (пустом, без текста и изображения) мы находим контуры миниатюры, расположенной на предыдущей странице — л. 116 об., весьма схожие с оттисками прорисей. При других миниатюрах сборника подобных отпечатков рисунка нет, ибо они сделаны простыми чернилами. Складывается впечатление, что в чернила, которыми сделана обводка изображения на л. 116 об., было добавлено липкое связующее (сок чеснока), чтобы получать оттиски, как это обычно делалось на прорисях. Имеем ли мы в данном случае дело с нарочитым копированием изображения или это случайность — вопрос остается открытым.

⁶⁴ Кроме книжных украшений в архиве имеются прориси икон (праздники двенадцатые № 284 а) изображения отдельных святых (№ 284 б среди которых есть копии с рисунков лицевого иконописного подлинника типа Строгановского), эскизы и рисованные по квадратам копии различных иконных композиций (№ 283) Два листа с оттисками контуров орнаментированных инициалов и декоративных фрагментов см БАН, Каргопольское собр № 396

⁶⁵ Амосов А. А., Бубнов Н. Ю. Археографические экспедиции Библиотеки АН СССР С 266

⁶⁶ Там же Сноска на с 266

Суммируя сказанное, мы можем констатировать, что украшения и миниатюры *некоторых* наших древних (и не очень) рукописей, считавшиеся ранее самостоятельными произведениями, вовсе таковыми не являются, а являются *копиями*, выполненными с применением техники наклепного образца или прориси. Копирование лучших образцов в древнерусском книгописании было делом довольно распространенным и в значительной мере продолженным в новое время в старообрядческих мастерских XVIII—XX вв. Кроме того, копирование контуров изображений никак не умаляло значения миниатюриста как художника, ведь ему целиком принадлежал выбор образца и красочное наполнение рисунка. В пределах сложившихся центров книгописания, таких, например, как монастырь или старообрядческий анклав, очень часто возникала необходимость изготовления одинаковых рукописных книг в нескольких экземплярах. Особенно трудоемким делом было воссоздание изображений и орнаментов, украсивших книгу. У нас есть теперь все основания полагать, что средневековая рукописно-книжная традиция знала способы, с помощью которых можно было ускорять и упрощать процесс декорирования и украшения рукописи, а следовательно — создавать по нескольку экземпляров рукописей за раз, приближаясь таким образом к станковому тиражированию книги.